

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Надежда КАЛАШНИКОВА

Король и шут

**и другие сказки
для детей от семи до семидесяти**

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
2014

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

К 17

КАЛАШНИКОВА Надежда Николаевна

Король и шут и другие сказки для детей от семи до семидесяти / Надежда Калашникова ; составитель [и ответственный за выпуск] – Калашников Н.Н. ; Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2014. – 36 с. : портр., ил.

©Надежда Калашникова

Фото Александра Бокина

Рисунок на обложке – Марины Колотвиной

КАЛАШНИКОВА Надежда Николаевна родилась 27 ноября 1991 года в Новокузнецке. Закончила исторический факультет Кузбасской государственной педагогической академии в 2014 году. Первая публикация – сказочка «Как заяц зиму победил» – в газете «Губернские ведомости» за 19 мая 2001 г. В 2009 году вышла её первая книжка – сказка «Королевство Сердце». В 2011 году вышли её книжечки «Пушистая сказка» и «По зелёной жёрдочке». В Кемеровском отделении Союза писателей России готовится к выходу книга её сказок и рассказов «Шутов не нанимают».

КОРОЛЬ и ШУТ

Пышно убранная похоронная процессия продвигалась к королевской усыпальнице. Вельможи и придворные, одетые в свои лучшие чёрные костюмы, старательно сохраняли на лицах выражение торжественной скорби. Фрейлины и знатные дамы размазывали слёзы, заранее нанеся водостойкую косметику. В протяжный звук церковных колоколов вплеталось воронье карканье.

Среди всего этого скорбного шествия только один человек с большим трудом и неудовольствием пытался выглядеть пристойно. Человек этот тоже был одет в траур, но, в отличие от большинства, этот цвет ему шёл. Возможно, из-за спутанной гривы чёрных волос и тёмно-карих глаз при вампирски бледной коже. А возможно потому, что чёрный цвет составлял отличный контраст с серебряной короной.

Крэн тупо пялился на расшитый изумрудами гроб, прятавший тело жены, и зверел от невозможности пустить везущих дроги коней и всю эту хнычущую толпу в галоп. «Какой же я к чёрту король и повелитель, – с ожесточением думал он, – если целых полгода должен буду сидеть тихо, как мышь в норе! А уж от всех этих церемоний с катушек можно съехать! Ну, жёнушка дорогая, ты и после смерти мне покоя не даёшь...»

Не мог же он, в самом деле, наплевать на традиции и обычаи! Человеческие чувства надо уважать... особенно если ты этими людьми управляешь. Вон, в Голубых Песках чернь взбунтовалась и пошла королевский дворец штурмом брать... Потому как тамошний король с обычаями считаться не пожелал и в День Скорби – памятную дату поражения в Пятилетней войне – велел повсюду устраивать пляски и попойки. Вот народ и взбесился. Просто это стало последней каплей – правительство и раньше не особо о стране радело. Во дворец их, ясное дело, и на порог не пустили, мятежников потом год отлавливали и казнили... а факт всё ж таки невесёлый. Крэн предпочитал обходиться без подобных эксцессов.

Только не надо думать, что Крэн был непроходимым эгоистом и лицемером. Просто его ныне покойная супруга имела столь кроткий и ангельский характер, что король старался как можно реже попадаться ей на глаза. Даже государственные дела вёл в самой дальней, чертовски неудобной комнате – лишь бы лишний раз с женой не связываться. Династические браки, что поделаешь. Контакты крепить надо, и имиджу соответствовать – тоже.

...С трудом борясь с зевотой на полуторачасовом обряде захоронения, Крэн решил: «Завтра же возьмусь за реформирование всей системы – похорон, свадеб, рождений... А то несколько трудно соблюдать принцип "De mortuis aut bene, aut nihil"...»

После этой фразы король помрачнел. Вспомнил мертвеца, о котором мог действительно сказать только хорошее – не для приличий, от сердца. Неделю назад умер его шут. Бэн был отличным парнем. Горбатым уродцем. Но язык его, прямой и острый, как меч, разил направо и налево, всегда попадая в цель. Крэн любил весёлую шутку, пусть даже сдобренную сарказмом. Как умный человек, он понимал все тонкие намёки и частенько к ним прислушивался. Можно сказать, Бэн направлял его политический курс!

И без шута Крэн чувствовал себя как-то... неуютно. Будто на площадь вышел, забыв одеться. А самое поганое – искать и заводить нового сейчас, после смерти королевы... кощунственно как-то. Да и где его возьмёшь – такого же толкового? Это разряженных обалдуев, что зовутся придворными, можно лопатой грести, а шут – он один...

Как и король.

Вир стоял посреди комнаты, разгневанно уперев руки в бока.

– И думать забудь про этот бред! – возмущённо выговаривал он. – Надо же, удумала: во дворец она подастся, в услужение! Нужна ты там! Ждут тебя там с объятиями распростёртыми!..

– Рабочие руки везде нужны, – возразила дочь. Забившись в уголок, Леста теребила узел с собранными вещами и выжидала удачный момент. Если она вырвется из дома, по улице отец за ней точно не погонится. Даром что столяр простой – понятия о чести и достоинстве у него имеются. Иному дворянину поучиться не грех.

– Рабочим рукам применение и здесь можно найти! Не шарахаясь к чёрту на кулички.

– Конечно. Можно, – покивала Леста. – Например, пойти в трактир к Ригу. Чтобы он имел удовольствие вдоволь меня лапать, а его жена серной кислоты мне в чай подлила из ревности. Или в лицо плеснула.

Вир заскрежетал зубами – опять она заговорила в своём вечном любимом тоне! Нетипичном для женщины. Не клянча, не ноя, не давя на жалость – смеясь. Посмеиваясь – когда зло, когда нахально, а когда так, что слушатели за животики хватались от смеха. Сама же она при этом ладно если слегка улыбалась.

Вир дочь любил и давно привык к её закидонам. А вот на окружающих это производило не лучшее впечатление – если учесть, что ни подруг, ни парня у Лесты не было. Оно, конечно, не у каждой девушки умирает жених... и не каждую потом дразнят «Леста –

мертвяцкая невеста»... но не каждая в ответ на оскорбления будет смеяться. Парни явно предпочитали более предсказуемых и уравновешенных особ.

Но тут до столяра дошёл смысл сказанного, и он взорвался:

– Хватит дурака валять! Никуда ты не пойдёшь! Во дворце, к твоему сведению, любителей лапать ещё больше! Причём совершенно безнаказанно!

Леста молчала. Тикали часы с кукушкой, белокурый пацанёнок в застиранной добела рубахе сидел на подоконнике и играл с отцовским рубанком. Виру захотелось выхватить проклятый инструмент и хорошенько приложить об стену. Потому что он, здоровый работающий мужик, не мог прокормить себя и детей – спрос на его изделия, и без того невысокий, в этом году упал ниже плинтуса. Запасы «на чёрный день» тоже подходили к концу. А не за горами зима, когда собранными в лесу грибочками не пообедаешь...

Леста встала и двинулась к отцу, волоча мешок по полу.

– Ты прав, – кивнула она. – Во дворце развратные нравы...

Вир облегчённо вздохнул. Ну наконец-то в дочке здоровый смысл проснулся!

– ...но надеюсь, ориентация у них всё же нормальная.

После этой нелепой фразы девушка скользнула к выходу. Уже с порога прокричала:

– Отец, не волнуйся! Я всё продумала! Меня никто не обидит!..

«Потому что обижать – это будет моя привилегия», – добавила она про себя.

– Ты с дуба упал, что ли? И мозги последние отшиб? Это моя Милка взяла первый приз!

– А я говорю – подкупили моего жокея! Это сделал ты, Фирс! Иначе б твоей кляче в жизни не обогнать мою чистокровушку!..

– Это у кого тут ещё кляча?! – возмущается Фирс. Но собеседник его уже не слышит – он тянется к чарке и, обнаружив там пустоту, орёт:

– Вина!.. Чёрт вас всех дери – где вино? Я требую!.. – и стучит кулаком по столу. Кулак нечаянно, но оттого не менее смачно впечатывается в огромное блюдо с заливной курицей. Окорочка разлетаются в лица и нарядные костюмы сидящих рядом вельмож. Ну сейчас кулаки будут стучать не только по столу. И не только кулаки, кажется...

Крэн устало прикрыл глаза. Это называется королевский обед. В хлеву, наверное, чище и пристойнее.

Король собрался уже кликнуть стражу – только пьяной драки тут

не хватало – как его опередил пронзительный насмешливый голос:

– До чего же хороши куры в нашей славной Тихой Заводе! Их ощипали и зажарили – а они по-прежнему стремятся к полёту! Берите пример с наших пеструшек – сопротивляйтесь до последнего!..

Все заоглядывались. Посредине пиршественной залы стоял шут и нежно позванивал бубенчиками.

Кто-то неуверенно возразил:

– Куры же не летают...

– Если хорошо пнуть – летают все, – сообщил обладатель бубенцов. – Даже господин городской судья, уж на что тяжёлый кошель его к земле тянет...

Не теряя времени, шут подхватил жирную куриную ножку, упавшую аккурат на край стола, и с наслаждением вонзил в неё зубы.

– Какое тебе дело до моего кошелька и до меня, ты, хамское отродье! – вскочил городской судья, сидевший за этим же столом.

– О, о вас отзываются как о почтенном и достойном всяческого уважения человеке, – почтительно отвечивал паяц. – Ведь вы в поте лица своего заботитесь о подданных: освобождаете их от брэнного богатства, дабы они стали легки, как птицы, – он потряс недоеденной куриной ножкой, – и сумели подобно им воспарить в высь...

Зал взорвался от хохота. Судья побагровел, позеленел, потом начал синеть. Дабы его не хватил удар, сердобольный король велел двум стражникам подхватить бедолагу под белые ручки. А сам обратился к шуту:

– Откуда ты взялся? Месяц как умер мой бывший шут, и нового я не нанимал.

– Шутов не нанимают, они сами нанимаются, – ответил нахал. – А точнее – выскакивают из ниоткуда, как черти из коробочки. Давай, король, будем считать, что я – твой персональный чёртик.

Крэн принялся грызть фалангу левого указательного пальца – это у него было признаком думанья. Спору нет, без паяца плохо. Но вот так, с лёту с ветру... В шуты обычно убогие идут, а этот совсем не похож – молоденький такой, светленький... Глаза прозрачные... А ну как он шпион чей? Или подослан его укокошить? Королевская жизнь, она такая – враги за каждым углом мерещатся...

Нет. Всё это мура. Правильно этот тип сказал – шутов не нанимают. Под двуцветным костюмом не прячут отравленный кинжал – а то ещё при прыжке нелепом выпадет.

– Давай будем так считать, – тяжело выдохнул король. – Как тебя называть-то... чёртик?

Тот помедлил, прежде чем ответить.

– Лист.

Осыпались разноцветные осенние листья. Пушистая гостья-зима, погостив положенное ей время, тоже собралась уходить. Снег таял прямо на глазах, а воздух, казалось, грозил опьянить без всякого вина.

Крэн стоял у зеркала и с удовольствием примерял белую рубашку с широким воротом, шитую серебром – конечно же, серебром! Король терпеть не мог золота – считал его вульгарным. В Тихой Заводе даже монету чеканили серебряную. А ржавьём торговали с соседями, привозя домой лунный металл целыми телегами.

Завязав концы рубашки узлом и оставив их так болтаться, король довольно хмыкнул. Он был чертовски рад сменить чёрное одеяние на что-нибудь повеселее. Хорошо ещё, что официальный траур здесь исстари длится полгода, а не год, как в тех же Голубых Песках...

– Ваше величество, – поймал его на выходе первый министр. – Траурные дни окончены, и на днях мы собираемся дать бал...

– О! Бал – это прекрасно! – просиял король. – Хочется чего-нибудь праздничного, с размахом, с шиком!..

Он взмахнул руками и сбил очки с носа министра иностранных дел, оказавшегося рядом. И тут же кинулся помогать и извиняться.

– Всё в порядке, – пропыхтел министр, водружая очки на переносицу. – Я хотел сказать, ваше величество, что этот бал будет иметь большое политическое значение.

Крэн скис. Черти бы взяли их вшивую политику! Он хотел простой весны...

– К нам с визитом едет вдовствующая королева Розарии Камелия! – торжественным шёпотом возгласил премьер.

– Следует оказать ей как можно лучший приём, – вторил ему коллега. – Розария – весьма богатое владение. К тому же Камелия – дочь самого Варэндана...

– А-а!.. – зевнул Крэн. – Того самого придурка из Голубых Песков, что собственный народ не уважает?

– Ваше величество!.. – укоризненным хором воскликнули оба министра. Но величество ледяным тоном заявило:

– Я жениться не собираюсь! Говорят, она мужа отравила!.. – и совершенно несолидно сбегало вниз по винтовой лестнице.

Крэн перепрыгивал через три ступеньки. Сейчас он оседлает коня и помчится во весь опор – навстречу ветру, солнцу, зеленеющим полям! Или нет, лучше... Лучше то же самое, только ярче и сильнее. Свист воздуха, разрезаемого надвое огромными крыльями – на огромной скорости.

– Ой!..

Тьфу ты пропасть, какой он сегодня неуклюжий... Служанку, что

ли, какую сбил? Голос прямо девчоночий. Красное, синее...

– Лист! Прости, дружище, я не заметил... Вставай!

Шут как будто не замечает протянутую руку. Поднимается сам и говорит:

– Умение падать – часть моей профессии, ваше величество. Так что, можно сказать, вы провели курсы повышения квалификации.

Крэн хохочет так, что слёзы выступают. Отсмеявшись, вздыхает:

– Ох, парень! Ты порой такого отмочишь, такое брякнешь... не знаешь, как и реагировать – то ль плакать, то ль смеяться... то ли голову тебе отрубить, то ли корону мою на неё переложить...

И тут же добавляет:

– Ладно, я убегаю. У меня тут... в общем, дело одно.

Лист смотрит ему вслед. Конечно. Дело. И даже не одно. И наверняка – государственной важности. Он король, и этим всё сказано. И гроша не стоит его хорошее отношение и оценка тупого остроумия. Последнего ломаного затасканного гроша, на который в ярмарочный день побрезгуют продать коробок спичек.

«Я шут, – твердит про себя шут. – Паяц, гаёр, мячик-попрыгунчик на верёвочке. Оторванный от родного дерева листок. Так было всю жизнь. И так будет до самой моей смерти. И ничего иного кроме».

Он разворачивается и тоже бежит по лестнице. Только вверх.

– Её величество вдовствующая королева Розарии Камелия! – объявил распорядитель.

Крэн со скучающим видом перебирал в уме заранее подготовленные фразы. И тут они как-то разом вылетели из головы.

Королева не шла. Эту плавность, эту грацию язык не поворачивался назвать походкой. Казалось, под ногами у неё не паркетный пол – облако... лёгкая гладь моря... Негромкий стук каблучков завершал очарование.

– Добрый день, ваше величество, – зазвучал сильный грудной голос. – Я много лестного слышала о вас, но повидаться довелось только теперь.

Крэн только глазами хлопал. Даже не сообразил, что протянутую руку следует поцеловать.

– Э-э-э... М-м-м... Очень приятно, ваше величество, – выдавил он наконец.

Королева понимающе улыбнулась (боги мои! за такую улыбку душу продать не жалко!) и отошла, плеснув тяжёлой волной волос. Чёрных – как ночь, как вороново крыло... Нет! Как крыло дракона...

Все танцы король танцевал только с ней. Все её просьбы – принести напиток, поднять упавший платочек – кидался выполнять

только он. Сперва, конечно, вся мужская часть кидалась. Потом, поняв, что начались Большие Королевские игры, куда простым смертным соваться нечего, коли шкура дорога, – отстали.

Крэн уже оправился от первого шока и теперь распускал все перья, какие только имел. Навёрстывал упущенное. Камелия отвечала ему благосклонностью: улыбалась, хмурилась, ревновала и вызывала ревность, притворно обижалась – чтобы одарить короля взглядом, за который он готов был забыть о своём королевстве.

Под вечер, когда танцы уже наскучили, Крэн сказал:

– Если прекрасная леди позволит, я бы хотел показать ей лучшую диковинку своего дворца.

– О да, конечно, – оживилась Камелия. – Я с удовольствием полюбуюсь на красивую вещь.

– Это не вещь, это... Сейчас увидите. Эй! – приказал он. – Привести Листа!

Придворные вздрогнули: они и забыли, что у их короля может быть такой властный голос. Обычно он разговаривал доброжелательно.

Тонкие изящные брови взлетели вверх:

– Лист?.. Как странно!

– О, это просто чудо какое-то... Ага, вот он! – паяц как раз вошёл в тронный зал. – Ну что, шут! Коль ты мне друг, сослужи-ка службу – потешь нас, да получше!

«Нет! Нет! Только не это!» – заметалось в голове шута пойманной птицей. Сердце ухнуло, упало куда-то в пустоту, растворилось там... и снова принялось стучать как ни в чём не бывало. А тело уже само выдавало нужные нелепые движения, язык – слова...

Как только от смеха не рухнули стены в дворцовой зале – до сих пор непонятно. Гаёр был в ударе. Все глаза и уши приковал к себе этот красно-синий комочек, плетущий байку за байкой, перемежавший каламбур откровенным бредом – на дне которого притаилось что-то очень толковое и нужное... Король даже забыл на Камелию смотреть. А когда наконец посмотрел – поинтересоваться впечатлением – ахнул: руки скрещены на груди, губы сжаты в полоску и чуть кривятся... Он схватил её за плечо:

– Что случилось?!

Королева брезгливо повела плечиком, высвобождаясь. Холодно ответила:

– Терпеть не могу кривлянье и лошадиный гогот, называемый смехом.

– Но я же не знал... Я хотел как лучше... – забормотал Крэн, а затем рывкнул паяцу: – Пошёл вон!

В таком тоне он даже с охотничьими собаками не разговаривал.

Ощущение праздника куда-то пропало. Это почувствовали все. Кто-то велел дать музыки, кто-то тут же шикнул на музыкантов, люди ворчали, гомонили, многие потянулись к выходу... Крэн сидел с таким несчастным видом, что Камелия слегка поморщилась: это в её планы не входило.

– У всех бывают ошибки, – сказала она, положив изящную ладонь на плечо королю. – Но лишь смелый и умный человек может их исправить... – И, наклонившись совсем близко, прошептала: – Надеюсь, ночью вы будете более удачливы, чем днём...

Легко коснувшись губами его щеки, удалилась из зала.

Мешочек, полный серебряных монет, падает на лавку. Вир нетерпеливо подхватывает его. Ух ты! Тяжёлый! А по виду и не скажешь...

Развязывает и принимается считать. А как же! Денежка, она счёт любит. Да и хозяин знать должен, чем располагает.

Сиф, конечно, тут как тут. Глядь – он уже схватил монету и потащил её в рот, на зуб пробовать.

– А ну положь на место!.. Тридцать шесть, тридцать семь... Положь, негодник, кому говорю! Вихры надеру!.. Сорок девять, пятьдесят...

Леста наблюдала за ними как в тумане. Раз за разом окидывала взглядом знакомую до боли комнатёнку, пытаюсь отыскать хоть намёк на былую радость. С каким светлым настроением просыпалась она на этой кровати, вскакивала и бежала – навстречу новому дню, отцу, работе, проходим!.. Понесло же её в высокие стены, в каменные палаты... Не петь ей больше пташечкой, не смеяться беззаботно...

Вир меж тем считал монеты и приговаривал:

– Ну теперь мы заживём как люди! Семьдесят пять, семьдесят шесть... Умница ты всё ж таки у меня, доченька! Это надо же додуматься... восемьдесят четыре, восемьдесят пять... это надо же додуматься – мужиком переодеться и в шуты пойти! Да эдак умело... девяносто восемь, девяносто девять... чтоб за один вечер эдакую прорву денег получить! Ты и раньше хорошо получала... сто тридцать три, сто тридцать четыре... но то в месяц, а тут – за один раз! За одно же, говоришь, выступление всё это добро? Сто сорок пять, сто сорок шесть... Чего не отвечаешь-то? Сто сорок девять... сто пятьдесят! Всё!

Столяр сгрёб монеты обратно в мешок и завязал его. Подошёл к Лесте, подмигнул:

– Теперь заживём на славу!

– Отец, – тихо заговорила девушка, – обещай мне, что все эти деньги пойдут только на тебя и Сифа.

Вир растерялся:

– А ты?..

– Мне не надо.

– Как не надо? Пстой, но... Да что случилось-то – на тебе лица нет!

– Лучше бы я никогда не ходила в этот проклятый дворец... Лучше бы я сдохла с голоду, чем...

– Обидел, что ль, кто? – Вир поднял дочери подбородок и заглянул в глаза. – Ты скажи... Я ему глотку перегрызу, кто бы он ни был.

– Ты не дотянешься до его глотки, – безжизненно ответила Леста, – и я сама перегрызу глотку любому, кто тронет его хоть пальцем!

Вир улыбнулся.

– Опаньки... Влюбилось моё солнышко...

– Да лучше б... – горло сжало спазмом, и незадачливый гаёр бросился на шею отцу, рыдая, захлёбываясь, выплёскивая бессвязными словами свою старую как мир историю.

Столяр долго молчал. Гладил вздрагивающие лопатки и притихшую светловолосую голову. Потом отстранил Лесту и решительно сказал:

– Вот что, дочка. Скажу тебе только одно. Если это и впрямь твой суженый, вместе вы будете. Будь он хоть король, хоть епископ, хоть сам Господь Бог. А ежели никак – значит, не твоя это судьба.

И ещё скажу. Мы люди бедные, у нас много чего нет, что у господ водится. Да ты, небось, сама нагляделась. А вот что у нас есть – так это гордость. Достоинство человеческое. Вот его ты никому втапывать в грязь не давай. А то совсем от тебя ничего не останется.

Он замолчал. За окном вовсю свистел Сиф, радуясь привалившей в дом удаче и погожему дню. Неизвестно, чему больше.

– Я это не к тому, чтоб ты до свадьбы себя берегла, как вам обычно говорят, девушкам. Тут молодёжь никогда стариков не слушает... и правильно делает, – столяр усмехнулся. – Я про внутреннее чувство такое... Ну, как бы это...

Вир прищёлкнул пальцами, ища слова. Леста накрыла его руку:

– Не надо. Я знаю, о чём ты.

...От разговора с отцом стало легче. Чуть-чуть. Во всяком случае, по дороге во дворец девушка уже могла замечать цветы у дороги и трель пичужек в кустах. И – хоть и грустно, но всё же – улыбаться.

Луна заливала королевский сад. Серебрила каждую травинку, каждую закрытую цветочную чашечку. То, что оставалось в тени,

выглядело чёрным и настолько острым, что казалось – можно порезаться. И посреди всего этого великолепия лежал дракон.

– Привет, – сказал шут, подойдя поближе.

Дракон повернул тяжёлую изящную голову.

– Привет, – прозвучало в ответ низким тембром. – А разве ты меня не боишься?

– А разве ты страшный? – вопросом на вопрос ответил пац. – Ты симпатичный вполне, – и погладил куда-то чуть повыше лапы. У людей это бы называлось предплечьем.

Дракон оказался не чешуйчатым, а кожистым. Кожа и впрямь была чёрной, а ещё – гладкой, твёрдой и очень горячей. Как будто прислоняешься к стене дома, нагретой солнцем в жаркий день.

Чудище довольно уркнуло и взмахнуло хвостом. От поднявшегося ветра зашумели кусты.

– Обычно от эдакого вида люди шарахаются, – заявило оно. – Хотя я приношу удачу этой стране... По мере сил, – добавил дракон уже тише.

– Вроде талисмана-оберега, да? – спросил Лист, усаживаясь на вытянутой лапе. На ней можно было разместить пару взводов королевского войска. – Интересно, каких размеров должен быть карман, чтобы тебя туда поместить на манер подковы?

Громада затряслась, и мимо шута пронеслись разрозненные огненные язычки. Смеялся дракон так, что ли?

– Вообще-то второе, неофициальное название королевства – Драконья Заводь. Такой вот кармашек... – снова язычок пламени и звук, похожий на лошадиное фырканье, только раза в три громче. – Нет, ну у тебя талант прирождённый – надо же такое словечко брякнуть...

– И ты туда же! – яростно воскликнул гаёр и вскочил на ноги. – Вы все сговорились! Все во мне видят шута, кривляку, клоуна – и ни цента больше! И так всю жизнь!

Дракон опешил от столь внезапного бешеного выпада.

– Но... разве плохо быть шутом? – осторожно спросил он. – Это очень нужная должность... Думаю, король тебя ценит больше, чем весь штат придворных вместе взятых...

– Во-во. Свой парень, хороший друг, ценный кадр, – кивнул Лист. – Да лучше б он меня выгнал или на плаху отправил...

Решив, что подобную неблагодарность надо чем-то объяснять, шут медленно стянул с головы колпак и отбросил в сторону. Светлые волосы упали на плечи. Лицо, в их обрамлении ставшее однозначно девичьим, выглядело симпатично и очень печально.

– Я влюбилась в короля, – сказала Леста. – Трудно представить

что-то глупее и провинциальнее.

Если б было чуток посветлее... и если б она чуть повнимательнее взглянула на собеседника, то удивилась бы выражению глаз и физиономии дракона. Он смотрел так, будто перед ним по меньшей мере разверзлась земля и оттуда выскочила куча дюжих чертей с дубинками.

Девушка между тем достала расчёску из кармана двцветного камзола и принялась расчёсываться. Лунный свет запутывался в прядках, и дракон не мог отвести от них взора...

– А... Э... Как так получилось? – наконец спросил он.

– Ну, не на панель же мне было идти деньги зарабатывать, – фыркнула Леста. – Да на меня бы там никто и смотреть не стал... А шутки и всякие дурачества с детства удавались.

– Дракоша, – вдруг резко сменила она тему, – а ты летать умеешь?

Вместо ответа дракон распахнул огромные крылья и похлопал ими. Мощный порыв воздуха едва не сбил девушку с ног.

– А меня покатаешь?

– А ты не боишься?

– Ты второй раз за ночь об этом спрашиваешь! – она рассмеялась.

Устраиваясь поудобнее на драконьей спине, заявила:

– А тут здорово! У-у-ух ты!..

Взяв резкий разгон, дракон взмыл в ночное небо.

Блюдце из тонкого фарфора, расписанное фирменным серебром Тихой Заводи, падает на пол.

– Какая досада! – поджимает губы Камелия. – Нельзя ли поосторожнее? Это очень красивый сервиз, у нас таких не водится.

– Почему? Мы же его вам экспортируем, – повернулся к ней Крэн и смахнул на пол кружку собеседницы. – Ох ты ёлки-палки... Ну да ерунда, сейчас принесут новый.

Тоном, каким говорит королева, можно в жару охладить шампанское:

– Можно подумать, Крэн, будто ты рос не во дворце. Будто тебя не учили манерам...

– Да ведь посуда бьётся к счастью! – улыбается король. – А я, и правда, не во дворце рос. Меня отдали на воспитание одному отшельнику, я жил у него лет до пятнадцати и даже не знал, кто я...

– Какой ужас! – изящная ладонь прижимается к не менее изящному роту. – Будущему королю с младых ногтей должны внушать важность миссии, на него возложенной!

– Ну да, – хмыкнул Крэн, – и привить ему манию величия...

Камелия начала что-то возражать... а король припомнил, как на

какой-то пирушке одна из герцогинь потянулась к графину с вином и перевернула его. Полетели реплики про «дырявые руки» – с упоминанием места, из коего они, якобы, растут; девица стояла донельзя смущённая и уже собиралась сбежать... тут шут запел что-то про живительную влагу, про то, как она обильно льётся – и все подхватили. И спели потом ещё много чудесных песен. И никто не напился до свинячих морд, и не бузил. И молодая герцогиня вместо поспешного бегства пела и смеялась со всеми... и так была хороша, что вскоре кто-то из пировавших сделал ей предложение, и король ездил потом на их свадьбу – взяв с собой шута...

А если послушать Камелию? Герцогиню надо было выгнать и выпороть – за несоответствие этикету. И ничего бы не было – ни песен, ни смеха, ни любви... Ни новой семьи у него в подданстве.

Крэн вздрогнул – тонкие пальчики королевы (когда она успела так близко придвинуться?) пробежали по спине и по груди, а жаркий шёпот, казалось, проникал в самое сердце:

– Милый, ну когда же мы объявим о нашей свадьбе? Твой траур кончился, мой – уже давно, чего же мы ждём? Надо скорее объединять наши владения... так будет лучше... для всех...

«Вот так она и Флориана отравила, – с отчётливостью понял Крэн. – Очаровала, околдовала... потом яду в вино, и Розария теперь фактически колония Голубых Песков. Варэндан с них дань гребёт – только успевай подносить. А она свободна как птичка на заре... и ищет нового обалдуя на старую роль. Чудно птишечка распелась... да как бы кошечка не съела.»

С трудом высвободившись – ловкие пальчики с груди и живота успели спуститься пониже – король сказал:

– Дорогая, я сегодня не в самой лучшей форме... А что до свадьбы – я оттягиваю её не просто так, а с расчётом. Я собираюсь сделать тебе сюрприз... Он трудоёмкий и затратный, и требует много времени. Но я уверен, тебе понравится.

Камелия надула губки. Потом лукаво спросила:

– А нельзя ли этот сюрприз приурочить к какому-нибудь другому событию? Скажем, к моему дню рождения – он будет осенью, как раз времени хватит... А свадьбу мы бы сыграли сейчас.

«Ну да, – усмехнулся Крэн про себя, – чтобы Тихая Заводь перешла в твоё полное владение. А меня нашли убитым где-нибудь на охоте. Или в пропасть упавшим. Для разнообразия.»

– Понимаешь, любимая, – влюблённый вид, полный обожания взгляд, – это такой сюрприз, который можно сделать только на свадьбу. И вообще только раз в жизни по-хорошему. Я всё продумал, – рука вскинута в жесте защиты, – менять уже поздно. Подожди ещё

немного, совсем чуть-чуть.

Уф! Теперь дежурный поцелуй... и можно уходить.

«Чёртова политика, – продолжал мысленно ворчать король, направляясь в свои покои. – Всё не как у людей! Но уж Драконью Заводь... мою Заводь – чёрта с два я отдам всяким проходимцам!»

Дракон опустился на берегу моря. С его спины скатилась светловолосая девчушка в нелепом наряде и завопила:

– До чего здорово!.. Всегда хотела увидеть море... только пешком сюда не доберёшься, и на лошади тоже. Вот если на тебе – другое дело.

Стрельнув лукавым взглядом на своё транспортное средство, Леста с ожесточением принялась выдираться из шутовского костюма.

– Эй, ты чего делаешь?

– Купаться собираюсь, конечно! – пожалала та уже голыми плечами.

Дракон шумно вздохнул. Ну вот только этого не доставало...

Солнце. Камни. Лениво плещущие светло-зелёные волны. Белое гибкое тело. Не было в нём особого изящества, и грация в движениях не ночевала. Но в жизни, кажется, ничего красивей не видел. Хотя красивей – не то слово, оно холодное какое-то. Милее. Роднее. Ближе. И при-тя-га-тель-не-е... Он снова вздохнул и прикрыл глаза.

– Эх, жаль, меня Крэн сейчас не видит! То-то бы он обалдел! – засмеялась Леста, отжимая мокрые волосы.

– Да. Он бы точно обалдел, – подтвердил крылатый.

Сдружившись с драконом, девушка как-то проще стала относиться ко всему. И к своей неразделённой любви в особенности. Всё-таки собеседник, которому можно всё рассказать, вместе посмеяться или поудивляться, – великая вещь. Леста снова стала собой – солнечной открытой натурой. Шутки с неё сыпались не вымученно, не как реакция на боль, а как неотъемлемая черта характера.

С драконом (он велел себя называть «просто дракон») она встречалась не особо часто, но зато встречи были наполнены до отказа. Они летали, дурачились, травили байки и загадочные истории, шастали по лучшим местам Драконьей Заводи, пугали людей... Пугал, конечно, дракон – в шутку и очень редко.

Обычно он прилетал в дворцовый сад под покровом ночи. Сколько Леста ни пыталась караулить – ей никак не удавалось засечь, когда же именно он появлялся. Вроде бы только что никого не было – как уже маячит, загораживая звёзды, знакомая громада. Девушка даже как-то спросила – не умеет ли он часом невидимкой становиться? Крылатый отшутился, и больше она не спрашивала. Видно считала, что каждый имеет право на тайну.

А в этот раз он подхватил её среди бела дня. Она шла себе спокойненько, воздухом свежим наслаждалась, деньком солнечным... показалось – тучка набежала. А в следующий миг уже барахталась в огромных когтистых лапах этой «тучки».

Эти жутко выглядевшие лапы оказались чертовски нежными и бережными. Правда, потом дракон решил похулиганить и подкинул Лесту в воздух. Потом ещё и ещё. И дразнил: «Теперь ты настоящий Лист!..» На четвёртый раз девчушка умудрилась спикировать ему на спину, и он понёс её к морю на границе королевства...

И вот теперь он наблюдал за ней внимательными карими глазами. Леста только сейчас разглядела, какие у него глаза – большие, влажные и живые. Они бегали туда-сюда... и это было странно – сам дракон был скуп на движения. Немудрено – при таких-то размерах... Но взгляд выдавал натуру деятельную, беспокойную и взрывную – в последнем Леста убеждалась неоднократно. Чуть что – огнём плевать начинает.

После купания её била дрожь. Июньское солнышко плохо грело... но у Лесты была персональная живая печка. Прижавшись к гладкому боку, она удивилась: он оказался ещё горячее обычного. И тут её осторожно накрыли сверху крылом.

Так уютно девушка не чувствовала себя даже зимой под одеялом. Она свернулась калачиком, теснее прижимаясь к чудищу, и через минуту уже спала.

Дракон застыл каменным изваянием. Для него это была не самая удобная поза, но он согласился бы просидеть так всю жизнь – баюкая в объятьях своё сокровище...

Король тиснул печать под собственной росписью на очередной бумажке и вытер взмокший лоб. Сколько их тут ещё будет... Приказы, указы, жалобы, просьбы... И всё должно пройти через его руки. И его решение – последняя инстанция. Чёрт, да королям надо молоко за вредность выплачивать – бочками!

Хотя нет... Лучше сметану – крынками. Густую такую, жирную...

– И что ты маешься всей этой ерундой? – присела рядом Камелия.
– У меня и у отца всё это решается просто: министры сами проставляют смертные приговоры, а мы лишь подмахиваем – не читая.

– А мои министры знают, – сжав зубы, выговорил Крэн, – что если будут стряпать смертные приговоры кому попало, сами загремят на плаху!

– Ну почему же – кому попало... – задумчиво произнесла королева. – Есть определённый круг лиц, на который опираешься...

Для них идёшь на уступки, наделяешь привилегиями. Они за тебя потом горой стоят... и всех остальных усмиряют.

Король представил картинку: он стоит посреди кучки придворных, вооружённых до зубов, а их со всех сторон обступает толпа разъярённого народа. Сперва они отбиваются, а толпа всё напирает, всё прибывает... наконец захлестывает и придворных, и его самого, и катится дальше – сметая всё на своём пути... и вместо Тихой Заводи – пустыня... высохшие камни, растрескавшееся дно, где раньше весело плескалось море...

Крэн зажмурился и затряс головой, отгоняя дикое видение. Придя в себя, с грохотом впечатал кулак в стол:

– Так! К собачьему чёрту всю эту политику! Свадьба через три дня!
И выбежал из кабинета.

Королева довольно улыбнулась: ну наконец-то лёд тронулся! Этот чудак оказался неплохим любовником... жалко будет его терять. Может, перевоспитать удастся? Он же король всё-таки, в конце-то концов! Не может он быть таким рохлей, каким выглядит! А то бы давно уже заменили на другого – потвёрже да пожестче. Кто белы ручки в крови марать не боится.

Камелия перелистала бумаги, подписанные королём. Что ни говори, она была умной женщиной и в политических делах разбиралась. И вскоре вынуждена была с неудовольствием признать, что Крэна перевоспитать не получится. Ибо это не лечится. Он оказался болен страшной для короля болезнью – тягой к справедливости. Пытался воздавать людям то, что они, якобы, заслуживали. Удавалось не всегда... но само направление чего стоило! Нет, он безнадежен. Такие не меняются.

Что ж, ему же хуже. Если Крэну по душе роль идиота – он получит возможность сыграть её блестяще. С закономерным финалом, разумеется.

«Надо будет как-нибудь так подгадать, чтобы они с шутком этим проклятым сдохли одновременно, – с внезапной злобой подумала королева. – Это ж надо додуматься – «лучшая диковинка»! Два дурака. Один в колпаке, другой в короне. А разницы никакой...»

Венценосный «дурак» тем временем наслаждался суматохой, вызванной его заявлением. Дворец закипел, как разворошенный муравейник. Крэн прохаживался туда-сюда с видом, какой бывает у кота при мысли о заветной баночке сметаны – свеженькой, со сливочками...

Приустав, король вышел в свой любимый сад – глотнуть кислороду. Из резной беседки доносились голоса.

– Эх, ну и бабёнку я тут отхватил!.. Пальчики оближешь! Грудь –

во, бёдра – во! И ласковая такая...

– Ну, Фирс, ты совсем обнаглел! И на скачках тебе везёт, и у баб успех... Ты другим-то оставь чего-нибудь!

– А жить надо уметь, – по тону ясно, что Фирс улыбается. – Я чужого не трогаю, мне оно без надобности. А уж своего не упусти, Глен, это ты поверь на слово!

Дружный хохот в беседке и, судя по звукам, кого-то хлопают по плечам.

– Я бы женился, – мечтательно заявляет баловень фортуны. – Уж больно хороша лапочка, да и женой обзавестись всякому порядочному человеку надо... Так ведь незадача – я граф, а Филта моя – в трактире прислужгой... Мезальянс получается, а по закону он не проходит у нас, хоть ты тресни.

– А мне короля жалко, – ни с того, ни с сего говорит Глен. – Повёлся он на этой ведьме – что только нашёл? Ни кожи ни рожи, а вертит им как хочет. Сначала-то она вроде симпатичной кажется, а поближе приглядишься – с души воротит.

– Мне она с самого начала симпатичной не казалась, – презрительно бросает Фирс. – Я худышек вообще не люблю, а эта ещё корчит из себя чёрте-чё. Вот моя Филта...

Король тихо отступает вглубь сада. Подслушивать, конечно, нехорошо... но без греха, известно, не проживёшь, а Крэн предпочитал обходиться малым злом.

Он пошёл по тропинке, легко попинывая камушки. Интересно, что его приближённые скажут о настоящей королеве?

Лист сидел на дереве – очень подходящее к имени место – и болтал ногами. Он улизнул из дворца, как только услышал про королевскую свадьбу. Леста собиралась вообще завязывать с ролью паяца – шутки зашли слишком далеко. Второй раз смотреть на счастливого Крэна рядом с красавицей Камелией она не собиралась.

Она бы давно ушла – но где бы ещё она короля смогла видеть? Говорить с ним, вызывать то смех, то недоумение, то злость на его живом открытом лице – где ещё? Он даже на монетах вместо собственного профиля, как у добрых людей заведено, чеканил башку какого-то чудища, подозрительно смахивающего на дракона. И что ещё подозрительней – на её крылатого приятеля.

Хотя ничего тут странного нет. Тихая Заводь – Драконья Заводь. Дракон – покровитель страны, защитник, залог удачи и богатства. Наверняка Крэн об этом знает.

«Хоть бы он сейчас прилетел, дракоша мой, – с тоской подумала Леста. – Поболтать с ним, душу отвести, попрощаться... и сваливать

отсюда. Видно, не моя это судьба, прав отец. Он своё счастье с Камелией нашёл... и я где-нибудь своё найду».

Зелёные глаза хищно блеснули: девушка представила, как она отравляет королеву – прямо на свадьбе. Та, вся такая изящная, в роскошном платье, взмахивает руками в последний раз – и падает бездыханно. Все кричат, суетятся, бегают, ахают... Поздно! Ничем уже не помочь – яд действует мгновенно. Лучший, отборнейший яд из королевской аптеки. Там не мухлюют. А сам король в это время...

Глаза потухли. Вот поэтому розарийская королева может есть и пить без опаски. Лесте плевать было на Камелию и на себя – уж убийство королевы явно будут расследовать с особой тщательностью, тут не отсидишься. Но ломать счастье того, кто тебе дорог... Вот это было выше её сил. А что он счастлив с ней, сомнений нет – последнее время светится, как фонарик ночью.

«Ну где же этот чёртов дракон! – с силой врезала девушка ладонью в ствол. – Когда надо, ничего и никого не дождешься!»

Рука заболела. Духа на неё, Леста уронила взгляд вниз. Вот так всегда: думаешь об одном, а появляется совершенно другой. Ну хоть полюбоваться напоследок...

Король шёл, засунув руки в карманы и пиная камушки. Ещё и что-то мурлыкал под нос. Свадьба у человека с любимой женщиной скоро – чего ему, спрашивается, недовольным быть?

Остановившись, Крэн огляделся. А в следующую минуту... Лесте показалось, что её солнечный удар хватил или в этом роде что-то. На лужайке восседал её друг дракон! Как обычно, чёрный и матовый. Он развёл крылья, собираясь взлететь... и тут услышал крик изумления.

Несмотря на размеры, дракон обладал поразительным слухом, да и зрением тоже – мог разглядеть лягушку в траве у себя под лапами. К тому же *этой* голос он бы везде и всюду узнал и без подобных ухищрений. Чудище раздвинуло мордой ветви, за которыми прятался шут, и сказала как-то грустно и виновато:

– Привет.

– А... а где король? – тупо спросила Леста.

– Ну... ты же меня засекала, как я понимаю, – вздохнул Крэн-дракон.

Дерево опасно зашаталось от этого вздоха, но девушка даже не заметила. Минуты две она переваривала информацию, пытаюсь понять, что кареглазое недосягаемое величество и ставший лучшим другом громадный ящер – одно лицо. Потом со всей силы, какая была, хлопнула по драконьей морде.

– Ты... у меня в жизни друзей не было, я думала – нашла... А это оказалось ещё одним шутовским представлением...

Попытавшись оттолкнуть предательскую морду – это было всё равно, что сдвинуть дом, – Леста съехала вниз, ободрав до крови ладони и не чувствуя этого. И рванула в ближайшие кусты, оказавшиеся тоже колючими.

Красное и синее. Любовь и боль. Удел шутов. Нет дружбы, нет тепла, нет желания – только смех. Всегда и везде. И ото всех. И потому шуты плачут.

– ...Отпусти меня! Отпусти!.. – забилась Леста, скидывая обнявшие её руки. Такие тёплые, сильные и в то же время бережные. Как драконьи лапы.

Но уши не заткнёшь, и слова проникают внутрь, падают на сердце, полное старых и новых ран. Слова – отрывистые, взволнованные, горячие, бессвязные... Так не врут. Так не врёт именно этот человек – у него другая манера вранья, изученная шутом в совершенстве.

Шут поворачивает заплаканное лицо – и слёзы высыхают от поцелуев. Колпак, жалобно звякнув бубенцами, летит на землю. Вскоре к нему присоединяются два костюма: один – цветной и грубый, другой – из тончайшей светлой материи.

...Последним аккордом в эту груды слетела корона. Ни король, ни бывший пацц этого, конечно, не заметили.

Ничего себе «ванна»! Это целое мини-озеро! Или Крэн тут в своей второй ипостаси плещется?

Хихикнув, Леста с наслаждением бултыхнулась в тёплую воду. Он ещё и лепестков велел насыпать – хорошо хоть на это пошли не розы, а тюльпаны. Розы девушку откровенно бесили своей изощрённостью. То ли дело свежий, чуть резковатый запах красных лепестков на голубой водной глади...

Натягивая платье, она жмурилась от удовольствия и чуть ли не мурлыкала по-кошачьи. Наконец-то нормальная женская одежда! Тонкая, летящая, облегающая фигурку... А ещё – косметика. Немного, совсем чуть-чуть: глаза подчеркнуть. Зелёные, влюбленные, с золотой искоркой смеха на дне... Как это Крэн сказал: «Это единственное ценимое мной золото... Слушай, а ведь правду говорят, что золото намного дороже серебра! Никогда бы не подумал».

И оба рассмеялись.

Спустившись через потайной ход, Леста слегка колыхнула ширму, как было условлено. Только собралась сделать это ещё раз – досуг королю пялиться на портьеру в углу – как услышала звучное:

– Я решил не тянуть до послезавтра, а сыграть свадьбу сегодня! И для начала позвольте вам представить мою невесту!

Придворные недоумённо переглядывались – ох уж это величество

с его чудачествами... Камелия приосанилась, ожидая обещанного сюрприза. Лесту заметили, только когда она пересекла ползала. Вторую половину Крэн уже вёл её за руку.

– Это... это что? – перекопилось изящное личико королевы.

Король улыбнулся.

– Я же сказал – это моя невеста. Впрочем, я не против это повторить... и велеть протрубить на всю Тихую Заводь – тоже.

– Леста – королевская невеста! Тили-тили-тесто, ты теперь невеста! – выполняя высочайшую волю, завопил Сиф. Вприпрыжку подлетев к сестре, повис у неё на шее.

И тут кто-то изумлённо выговорил:

– Да это же наш шут!..

Кто-то заахал, кто-то принялся протирать глаза и лорнеты и творить заклятья от нечистой силы. Камелия с неистовым воплем: «Чужало моё сердце!..» бросилась к девушке с явным намерением задушить на месте. Но под ноги ей попался мальчишка, угрюмо заявивший:

– Не тронь Лесту! И вообще лучше проваливай отсюда. Это наш дом, а ты чужая и холодная.

– Да как ты смеешь!.. – от оплеухи Сиф без труда увернулся, и узкая ладонь со всего маху впечаталась в подножье трона.

А Крэн, будто ничего не замечая, велел накрывать столы и теперь объяснял чудесную метаморфозу шута в без пяти минут королеву. А под конец объявил:

– Король может жениться только на равной ему по статусу – так написано в законе. Не думайте, что я нагло нарушаю его. Просто с сегодняшнего дня в силу вступает новый закон – разрешающий мезальянсы. В том числе и для лиц королевской крови в Тихой Заводе.

Зал впал в некоторый ступор от подобного заявления. Одна Камелия зашипела на короля взбешённой кошкой:

– Ах, так?! Смеяться надо мной? Проводить за моей спиной грязные игры?! Ты хоть понимаешь, болван, что это государственное оскорбление? Что я объявляю Заводе войну? И не успокоюсь, пока не сотру с лица земли последнюю здешнюю лачугу, пока тебя и твою девку не приволокут ко мне грязным кровавым мешком?!..

Король слушал молча, только лицо каменело. Когда королеве потребовалась передышка, чтоб перевести дух, он ледяным тоном сказал:

– Будьте так добры, леди, пройдите со мной на крыльцо. Там вы получите ответ на свои справедливые вопросы.

За ними хлынула толпа – по дороге любопытствующих

прибавилось. Обведя взглядом пёстрое собрание, Крэн неожиданно подмигнул – мол, не взыщите, уж чем богат...

Крики. Ахи. Лёгкая паника. Успокаивающие возгласы самых наблюдательных. Королева хлопается в обморок. Но не долго она в нём валялась – дракон подхватил её и легонько встряхнул. Этого хватило, чтобы у неё застучали зубы как в лихорадке.

– Что, папашке побежишь жаловаться? – загремел дракон. – Мол, не удалось Тихую Заводь к рукам прибрать – король не захотел доверчивым дуралеем быть? Теперь, значит, поставим Заводь в отместку на поток и разграбление?..

Жуткое это было зрелище: огромное разъярённое чудище и визжащая и барахтающаяся в его лапах женщина. Камелия как-то вдруг растеряла всё своё очарование. Не выглядела и беззащитной жертвой, над которой творится насилие. Лицо перекошилось, визг резал по ушам... Ни один из собравшихся мужчин не вступился за неё – а ведь они были далеко не трусы.

– Попробуйте только напасть на нас! Вас встретит гвардия таких, как я! – с этими словами дракон задрал голову и выпустил из пасти залп огня. Пламя, на миг затмив солнце, с шипением метнулось туда-сюда и исчезло. – Так что, дорогая, катись-ка ты из Драконьей Заводы, и дорогу обратную не вспоминай. Окажу услугу сиятельной особе, так уж и быть. Сопровожу до границы.

С этими словами Крэн полетел на запад, унося прочь незадачливую высочайшую гостью.

Вир оглядел стул с облупившейся полировкой и покачал головой.

– М-да... мебели явно отжили свой век, – констатировал он. – Не беспокойся, зятёк, всё обтяпаю в лучшем виде! Обновлю вам тут обстановочку. Эх, соскучился я по работе большой и хорошей!.. – столляр аж зажмурился от удовольствия.

– Я вот тут попросил списочек накидать, – Крэн протянул ему листок бумаги. – Что, куда, в каком количестве... С пожеланиями, в каком стиле, – и прочее.

Вир уставился в бумажку.

– Первому министру – стол дубовый, с множеством ящичков... Кресло большое, мягкое, с фиолетовой обивкой... А почему бы не серо-буро-малиновой в полосочку? – хмыкнул он и двинулся к выходу, продолжая разглядывать список и что-то бормотать под нос.

В коридоре в него со всего маху врезался Сиф, чудом не огрев зажатой в руке поварёшкой.

– А мы сегодня варим суперсуп из обычной курицы! Туда надо только травку запахать особенную, я тебе не скажу какую, и морковь,

когда жарить, всё время мешать! И вообще, главный повар сказал, что я буду не овощи со всеми чистить, а экспе... экспиринтировать... ну, создавать новые блюда, короче. Он сказал, что у меня к этому талант, вот.

Своему малолетнему шурина Крэн предложил стать пажом или пойти учиться на гвардейца. Конечно, Сиф выбрал гвардию. Попросил, чтобы его сперва научили на лошади ездить – давно об этом мечтал. А потом как-то заглянул в громадную дворцовую кухню – и вся военная карьера накрылась медным тазом.

Ещё дома он частенько готовил еду, и так мастерски пожарить обычную картошку не удавалось даже Лесте. А уж о том, что он мог сотворить из стакана обычной муки, к тому же грубого помола – и говорить не приходится. А здесь – такой размах! Такие возможности! Не говоря уж о всевозможных ингредиентах, которых Сиф и названия-то впервые слышал.

Заявив, что гвардия в Тихой Заводи и без него круче некуда, пацан нацепил белый передник и такой же поварский колпак. Через пару недель главный повар – пожилой уже мужик – решил, что годика через два он со спокойной душой уйдёт на пенсию. Король же подобным раскладом оказался чертовски доволен – гурман из него был ещё тот.

Хотя в последнее время все как-то подзабыли, как выглядит недовольный Крэн. Нет, он мог вспылить и разбить о чью-нибудь бестолковую голову очередную вазу – но это как-то бледно смотрелось на общем фоне окрылённости. Такого он раньше не испытывал даже в драконьем обличе.

...Стоя у раскрытого в вечерний сад окна, Крэн услышал лёгкий перезвон и сам не заметил, как начал улыбаться. Не оборачиваясь, дождался, пока сзади его несмело обнимут, и закрыл глаза от удовольствия.

Леста попыталась уложить подбородок ему на плечо, но не помогли даже туфли на каблуках. После третьей попытки король не выдержал и сам обнял королеву. Снова лёгкий перезвон, на сей раз уже никем не замеченный...

Женившись на своём шуते, Крэн упразднил эту должность. А чтоб не пропадать добру, бубенчики с колпака велел приделать к короне. Леста заявила, что это лучший свадебный подарок. Как бы ни ворчала она на профессию гаёра – за полгода успела к ней привыкнуть и расставаться не собиралась.

– Может, прогуляемся? – предложила она.

В саду они наткнулись на ещё одну влюблённую парочку, сыгравшую свадьбу в один день с ними. Когда Крэн объявил о

«мезальянсе в законе», Фирс тут же бросился седлать коня и во весь опор помчался в заветный трактир, наплевав на все приличия. И вот теперь Филта (платья на её размер пришлось спешно шить на заказ, во всём дворце не нашлось такого размера) сидела в его объятиях с чертовски довольной физиономией. Правда, как-то подозрительно взъерошенная и чуток в мятой одежде... но это уже детали несущественные, верно?

Королевская чета хотела быстренько пройти мимо, чтоб не мешать людям, как Фирс их окликнул:

– Эй, господа ваши величества!..

– Я вот всё хотел спросить, – продолжал он, – что это за новости о гвардии драконов? Положим, легенду о королях-драконах – истинных властителях Тихой Заводи – слышал... а это как понимать? Может, у нас все дворянские роды обращаться могут? Надо бы попробовать, да я не знаю, как...

Король хмыкнул.

– Соврать врагу – грех небольшой, – ответил он. – Нет, Фирс, других драконов тут не водится, я один... Мне другое покоя не даёт. Может, правда, слишком либеральничаю? Вот закон этот о браках межсословных – не все его воспримут так, как вы...

Он с тревогой уставился на счастливую пару. У Лесты на языке вертелась язвительная реплика про образ истинного владыки Драконьей Заводи – непременно с драконовскими ухватками, но она промолчала. В конце концов, этот закон был принят из-за неё.

– Не все, – спокойно ответил вельможа. – Но для короля главное – обеспечить условия, дать возможность... а уж сумеет, захочет ли этим кто пользоваться – то не в его власти. Дурак – он и при либерализме дурак.

Крэн собрался было долго и жарко спорить... но ему не дала Филта, выпалив:

– Ваше величество, а можно увидеть, как вы в дракона превращаетесь? А то Фирс так интересно рассказывал...

Да уж! Об этом гудел весь дворец – и добрая половина Заводи. Старые легенды, оказывается, имеют нечто общее с нынешней действительностью. Что ж, ради осознания этого можно и конспирацией пренебречь...

Крылатая легенда, плавно оттолкнувшись от земли, полетела навстречу уже начавшему темнеть небу.

Он

*...Мог играть и без струны –
Дескать, вывезет кривая, –
И терпеть не мог войны,
Потому что убивают...*

О. Ладыженский

Он был богом – творцом, повелевающим стихиями. Миры рождались по его слову, кружились, иногда лопались как мыльные пузыри, но чаще уходили и жили дальше своей жизнью, без его ведома. Порой от них долетали приветы, порой – проклятья, порой – ничего... А он с остервенением создавал новые, вкалывал на них, выкладывался весь, без остатка, так что под конец становился похож на выжатую досуха лимонную дольку. Но сок брался откуда-то снова – и всё начиналось сначала...

Он был чёртом – разрушителем. Так планомерно и самозабвенно разрушал он себя, своих близких, вообще всех, с кем доводилось встречаться... Нет, не из природной злости. Слишком сильным огнём он был набит, как чердак – хламом. Не получалось его весь перевести на созидание. Да он и не стремился – беречь себя он не умел абсолютно. Других – старался, а выходило по-разному.

Он был человеком. О двух руках и двух ногах, и рубашки на нём также грязнели и лоснились от пота, и их надо было стирать. Не всегда отвечали взаимностью те, кого надо, а те, кого не надо, упорно не желали уйти с горизонта и вынуть палки из колёс.

Он мог смеяться, да что там – просто улыбаться, и у людей поднималось настроение. Достаточно было глянуть, как он идёт по коридору – и хотелось расправить плечи и тоже, как он, стать человеком цели. К нему тянулись, многие подражали, иные передразнивали, ещё больше народу грелось о него, как о костёр в дождь...

Он мог хандрить – по-чёрному, отвергая все советы друзей и врачей, начальников и просто доброжелателей. До самоубийства, почему-то всегда неудачного. До злости на всех и вся, до неверия полного – в себя, в друзей, во всё святое, что есть на свете. До пьянок своих, загулов бесконечных, расхристанности полной...

Он был борцом – с дерьмом в округе и в самом себе. Он его, дерьмо это, ненавидел и там и там. Но оно было таким милым и привычным, что рука не поднималась драться с ним... А как только поднималась наконец – дерьмо ощетинивалось, шипело, выпускало когти и всеми силами старалось удержать прежние позиции.

Он был тем, кто бороться не хочет. Дезертиром, эмигрантом, сдавшимся в плен. Потому что война – это было вообще не его, на передовой ему мерещился рай – место, где можно любить и творить, где нет мелочных дразг и кляуз, где не убивают... И он устраивал этот рай на крохотном пятачке, сбегал в него со своей передовой – а трибунал присуждал то к расстрелу, то к штрафбату; пойдя разбери, что хуже.

Он был всем. Пустыней и Арктикой, матершинником и бабником, узником и освободителем в одном флаконе. Как-то ему удавалось совмещать крайности и не быть при этом серой серединой. И не лоскутным, не обрывочным – он очень цельным был, словно вырезанным из одного куска неведомого материала.

Он б ы л .

Я была богом

Я была богом. Не богиней – богом. Весёлым и щедрым разгильдяем. Беззаботным олухом. Как ещё назвать любителя выпить и покутить?

Бог накрывал столы и звал своих друзей на очередной праздник. Если такового на календаре не значилось, он придумывал его тут же, на ходу. Повод мог быть любым – от хорошей погоды до событий межпланетного масштаба. А как-то раз он объявил «день былинки, пробившейся сквозь асфальт» и отправил каждого искать такие травинки и наблюдать за ними. После этого пошли на убыль жалобы на плохие условия и собственное бессилие.

Итак, бог готовил угощение и созывал друзей. Любой желающий мог прийти на огонёк. До поздней осени он расставлял столы под открытым небом, и прохладный вечерний воздух горячил лица собравшихся, а сердце неволью сбивалось с привычного ритма.

Еды, вина и музыки хватало до глубокой ночи. Бог танцевал со всеми красавицами, но все знали: это лишь на ночь, не дольше. Многих это не смущало: он был хорошим любовником и платил щедрые алименты. А сам он был не прочь передать часть силы многочисленному потомству.

Но в предрассветные часы он уходил. Пьяный, счастливый, влюблённый – уходил, и не могли его удержать ни тёплая компания, ни нежные объятия. Бокал оставался недопитым, аккорд – недоигранным, фраза – недосказанной. Он оставлял всё и шёл – не зная куда, не ведая зачем, не понимая к кому. Шёл, страдая дикой

головной болью с похмелья и при этом стремительно и неумолимо трезвея. В животе булькало выпитое вино вперемешку с ужином, тряслись руки и ноги, дрожало всё тело от танцев и бурного секса – а голова становилась ясной, почти кристально прозрачной и холодной, как свежавывающий снег.

Он шёл по дороге или где придётся, мог шагать напрямик через лужи. Смотрел на холмы, города, деревья, проезжавшие редкие ночью машины – и сердце будто кто-то сжимал когтистой лапой. Округа выглядела мирно, но всё его существо каждой клеточкой чувствовало, что чего-то не хватает. Кто-то внутри него ворчал, гудел, ругался, плакал, умолял... страстно хотел чего-то. А чего – он никак не мог понять.

И тогда бог принимался творить. Он зачерпывал горсть воды, поднимал упавший грязный лист, ловил первый лучик солнца – и создавал из этого клочка материи и энергии всё, что хотел. Дома и ракеты, животных и камни, людей и леших, и гномов, и ещё тысячу удивительных существ... а главное – чувства, мысли, эмоции: радость, гнев, удивление, привязанность, лень и смелость... Тасовал всё это, как колоду карт, смешивал и менял местами.

Солнце стояло высоко в зените, а порой и вовсе клонилось к закату, когда бог жадными глотками пил наскоро сотворённую холодную воду и отключался под ближайшим кустом. Светлые волосы слипались от пота, в одежду набивалась пыль пополам с репейником... и всё же от этого полумальчишки-полуюноши невозможно было отвести глаз. Даже во сне сохранялась какая-то странная блудливо-тоскливая полуулыбка на его лице. Как будто он кого-то очень хотел встретить и никак не мог найти...

И однажды встретил.

Это был совершенно обычный будний день. Бог озабоченно шёл по своим делам, обдумывая сразу с десятков необходимых действий и вмешательств в разных частях континента, – и на мосту увидел девушку. Синее платье, синие глаза, тёмные волосы. Это всё, что успел отметить его разум, прежде чем дать команду «reset».

Конечно, он с ней заговорил. А она лишь смеялась – и молчала. Она была немая. А ещё – бог сам не знал, как это понял столь ярко и отчётливо – это была Мечта. Та самая, по которой тосковал и без которой бескрайний простор был тесен, как сапог на три размера меньше положенного.

Они переспали тут же, на полусгнивших шатающихся досках моста. Даже не одевшись, она посмотрела на него в упор, так что синева глаз едва не поглотила его с головой – и растаяла, нырнув в горизонт. Ей не было нужды всё время быть в теле, как и ему.

Не было ничего, абсолютно ничего выдающегося и оригинального ни в ней, ни в ситуации. А всё-таки с тех пор он искал её – повсюду. В толпе людей и среди безвоздушного пространства. Иногда находил, и она оставалась рядом какое-то время, потом ускользала опять. Однажды бог не выдержал и посадил её в банку. Обычную трёхлитровую банку, как бабочку. В размерах уменьшил, конечно. Целый день она стояла у него на виду, и он мог носить её, прижав к груди. А она молчала – и смотрела сквозь стекло... и сквозь него.

Бог разбил банку, бросив с вершины самой высокой горы своего мира. А потом он плакал, и слёзы из зелёных глаз падали вниз огромными ледяными сосульками и почему-то не разбивались.

Иногда Мечта приходила сама. Садилась рядом, скромно сложив руки, и смотрела, как бог творит. Она не умела делать абсолютно ничего – только смотреть, смеяться и заниматься любовью. Ей не было нужды что-то делать – она сама была делом. И в эти редкие спокойные минуты бог был счастлив. Счастлив так, как никогда за свою бог весть сколько длящуюся жизнь.

А потом Мечта пропала. Не приходила сама, и бог не мог её найти нигде в округе. Он стал искать настойчивее – а результат оставался тем же. Её больше не было.

Он ждал её. Ждал, пока в соломенных волосах не появилась седина, и он уже не смог вселяться в тело юноши. Теперь он ходил в обличье усталого сорокалетнего мужчины. Тело покрылось шрамами – кровь кипела от напряжения, кожа лопалась, и красное лилось на землю, удобряя её. Потом вырастали самые изысканные цветы – бог надеялся, что Мечта заметит эту красоту и спустится полюбоваться поближе. А она всё не спускалась.

Чтобы забыть о ней, бог отправился в путешествие по Вселенной. Он надеялся, что смена красок, чувств и движений заглушит воспоминания. Шатаясь по чужим мирам и влипая в переделки, бог стал богат мудростью... но это не могло вернуть ему ни спокойствия, ни счастья.

А время текло. По крупичкам и песчинкам – оно утекало, а куда – не знал и сам бог. Высыхали реки, в каменную крошку превращались горы, материки меняли свои очертания. История людей и иных существ сменила окраску столько раз, что белое успело забыть о том, что когда-то было чёрным. А бог всё не мог забыть о Мечте.

Энергия иссякала, а подпитки не было. Бог понял, что скоро он сможет передвигаться лишь в виде дряхлого старика. И хотя надежды почти не осталось, он не захотел так выглядеть – вдруг вернулась бы его возлюбленная? О том, что она может быть старухой ещё древнее его, он предпочитал не думать.

И в отчаянии бог закричал на всю Вселенную. О яркой любви и

глухой тоске, о том, как тяжело творить, когда никто этого не ценит. О том, как жизненные соки утекали в никуда, как материя умирала, не успев родиться и обрести форму. Как обшаривал задворки и закоулки мироздания, чтобы найти Мечту. Как отжил свой огромный век бога, так и не найдя её.

И тогда бог проклял Мечту. Тоже – на всю Вселенную. А потом... Он не планировал это. Просто, мельком увидев какую-то светящуюся точку далеко внизу, он вдруг развил бешеную скорость и помчался ей навстречу, прессуя время и энергию в маленький комочек, теряя на ходу память и сознание. А главное – чувства... боль... тоску... стремление... надежду... До последнего вздоха – надежду...

Я была богом. У него всё же было неплохое чувство юмора: он предпочёл превратиться в девушку. Может, решил, что женщинам больше везёт в любви?.. Что их жизнь более спокойная?..

Чудак человек! Даром что бог. Мне, конечно, повезло в любви... и какое-то время мне удалось пожить спокойно, тихо и мирно. Но что такое жалкие пара десятков лет по сравнению с его вечностью!.. А в моей жизни он больше покоя уже не найдёт.

Бог недооценил человека, если рассчитывал среди людей найти забвение Мечты. Она зовёт и манит, греет и выворачивает наизнанку, ускользает, но кажется, что – протяни лишь руку – она рядом...

Мне не кажется. Я могу протянуть руку и потрогать. Не знаю, где эта богиня шаталась миллионы световых лет, но она явно была в курсе событий. Потому что, как только бог упал на Землю, чтобы стереть себе память и душу, – она тоже превратилась в человека, упав почти рядом... и почти сразу, отстав лишь на год. На какой-то земной год! Мерзавка...

...Она была хорошей любвицей. Не захотела упускать своего и на сей раз, превратившись в парня. Ещё эта зараза решила вставить контактные линзы, видимо, думая обмануть меня нехитрой игрой тонов синий – зелёный.

Но чёрта с два! Я узнаю тебя, даже если ты станешь белым медведем и будешь лежать, закрыв глаза и уткнув нос в снег! Я тебя просто учую, даже с сильнейшим насморком. И теперь... о, теперь ты можешь говорить! Я вытрясу из тебя всю душу, всю правду, где тебя носило! Ты у меня попляшешь, проклятая синеглазая зар-р-раза!..

Ой... всё не могу привыкнуть. Уже зеленоглазая.

Как я.

Не зря же я была богом...

Майский снеговик

– Сколько лет живу на свете, а такой погоды не припомню, – сказал пожилой мужчина и поплотнее запахнулся в выдавшее виды пальто. – Ты шарф-то подтяни потуже, чтоб в шею не дуло, – обернулся он к мальчику, шедшему рядом с ним.

Мальчик рассеянно отмахнулся. Он крутил головой во все стороны, подставляя лицо ветру. Крупные мокрые хлопья снега падали на это свежее разгорячённое лицо и тут же таяли. Холодные капли стекали вниз, под небрежно повязанный шарф и дальше, под рубашку, но мальчишке это нравилось. Он спросил:

– Деда, а что, это зима опять вернулась, да?

– Ну вот ещё, зима... – проворчал дед. – Это обычные заморозки на черёмуху. Вишь, как она распустилась...

В крутящейся снежной мгле ничего не было видно дальше пяти шагов. Мальчишка наклонился и схватил горсть снега. Под ним нагло зеленела трава. Хотя скорее наглцом вёл себя снег: это уже было не его время.

Снег был мокрый и оттого хорошо лепился. Метнув снежок в черневший ствол дерева, мальчишка на минутку задумался, а потом подпрыгнул и закричал:

– А знаешь что? А давай слепим снеговика! У нас будет майский снеговик, вот здорово!.. Такого ещё ни у кого не было.

Дед тоже закричал в ответ, только сердито:

– Ещё чего удумал! Домой идём, мать ждёт! Сейчас, лепить он будет – без варежек... Зимой не налепился...

– А я сбегаю домой, варежки возьму, – возразил сорванец. – Снег в мае – он же раз в жизни бывает! Такое нельзя упускать.

– Вот я тебя на парад не возьму завтра, – пригрозил дед.

Мальчик замолчал, обдумывая угрозу, а потом тихо сказал:

– А ведь ни один снеговик ещё не видел парада в День Победы... А им же, наверное, тоже хочется посмотреть.

Дед улыбнулся в усы, но ничего не ответил.

Через пять минут мальчишка снова был во дворе, уже один, но с двумя парами варежек. Он увлечённо скатывал большой ком, в котором то и дело мелькали зелёные травинки. Скатав его наконец и собираясь приняться за второй, мальчик вдруг обнаружил, что на лужайке снега почти не осталось. Тогда он недолго думая перемахнул через низенькую ограду, где в лучшие времена устраивали клумбы. Там стройматериала было предостаточно.

Вместо глаз аккуратно легли чёрные камушки, а руки

материализовались из причудливых веток. Нос – краса и гордость всех снеговиков – почему-то оказался до смешного маленьким: так себе, торчит закорючка какая-то. Но зато мальчишка сделал ему улыбку, что называется, от уха до уха.

– Ну вот, – сказал он, любуясь делом рук своих. – Это мой весенний снеговик. Первый в мире.

И, довольный, убежал домой.

Снегопад закончился также стремительно, как начался. Оседлав ветер, из-за серых туч вылетело солнце и принялось всю навёрстывать упущенное.

Снег на глазах превращался в лужи. А снеговик, вместо того чтоб послушно осесть рыхлой грязной горкой, потянулся, расправил плечи и затоптался на месте.

– Ух ты, – выговорил он, – какое всё зелёное. Что бы это могло быть?

Неуклюже переваливаясь, он затопал к стоящему неподалёку дереву. Оно оказалось клёном, уже с листьями и серёжками – в общем, в полном ажуре. Капли растаявшего снега невыносимо сверкали, так что снеговик зажмурился.

– Ты почему здесь? – спросил его клён.

– А? Что? – открыл глаза снеговик. – Тут нельзя находиться?

– Тебе – нельзя. Неположено, – зашумел в ответ клён. – Весной снег тает. Ты тоже хряпнешься через десять минут.

– Не буду я хряпаться, – обиделся снежный человек. – Что за порядки у вас такие: только на свет появился – и уже хряпайся!

Он зашагал было прочь от такого негостеприимного места, а в спину прилетело:

– Дур-р-рак! Нельзя попир-рать законы пр-р-рироды! Кар! Кар!..

Это раскаркалась старая ворона. Она восседала на перекладине детского городка с видом, будто ей все были должны по золотой монете.

– Зима ушла давно, весна идёт на смену. Так было, и так будет. Что ж ты пр-решь пр-ротив заведённого порядка? Ты на что вообще годен, кар, кар-р-р?

– На что годен... – растерянно забормотал снеговик. Он ещё как-то не успел об этом подумать. И выпалил: – А на что надо быть годным?

Ворона чуть не свалилась с перекладины от такой глупости.

– Это уж кто на что способен, – сухо ответствовала она. – Кто вон столбом стоит, – качнула ворона клювом в сторону фонарного столба, – зато по ночам освещение даёт, пока лампочку не вышибут. А у кого мозги имеются, – тут она приосанилась, – тот советы даёт, как оно жить на свете надо.

Снеговик почесал в затылке.

– Не-а, у меня мозгов на советы не хватит, – огорчился он. – Мне бы самому кто дал... И стоять на одном месте я тоже не смогу. Я вот что: пойду лучше похожу и посмотрю, на что ещё можно быть годным.

И он решительно двинулся в сторону улицы, не обращая внимания на хриплый хохот, перемежаемый карканьем.

Улица оказалась ещё более яркой и разноцветной, чем двор. Пестрели рекламные щитки, вывески; мчались, обгоняя друг друга, машины, куда-то спешили люди. Снеговик не знал назначения ни предметов, ни людей, но ему нравился этот шумный блестящий поток на умытой весенней улице. Он постарался в него влиться и тоже засеменял со всей поспешностью, какую только позволяла его комплекция. Как ни странно, люди на него особо не обращали внимания.

Снеговик шёл-шёл и оказался в парке. Тут он увидел, что люди уже не торопятся, а, наоборот, идут себе медленно, не спеша, и многие держатся за руки. Он тоже пошёл медленнее, а потом совсем остановился и задумался, с кем бы пойти за руку – ведь, наверное, здесь так принято.

Мимо него как раз проходила такая парочка. Парень сказал:

– Смотри, какой симпатичный экспонатик.

– Да, – задумчиво ответила девушка, – он милый.

Она сняла чёрные очки, чтобы получше разглядеть снежного человечка. А потом всё так же задумчиво надела их ему. Парень засмеялся её выходке, и они ушли, оставив очки на снеговике. А тот очень обрадовался, что глаза теперь не болят от света.

И вот, вертя головой во все стороны, он сквозь обновку увидел нечто восхитительное. Настолько, что тут же стащил очки обратно и вообще забыл про них.

Снежный человек увидел снежное дерево. Гордое и прекрасное. И такое же, как он, одинокое. Стояло оно поодаль от остальных деревьев: те, видно, не хотели принимать заснеженную красавицу в свой зелёный хоровод.

Снеговик как зачарованный направился к незнакомке.

– Здравствуй, – чуть слышно просипел он и поперхнулся. Откашлялся и начал снова: – Здравствуй. Как тебя зовут?

– Я – черёмуха, – зашелестело дерево. – А ты, я гляжу, снеговик. Как ты до сих пор не растаял?

– Но ведь ты тоже не таешь, – удивился он. – Ты вся в снегу...

Черёмуха засмеялась серебряным смехом:

– Ой, уморил!.. Без пилы распилил!.. Снег! Да это же цветы,

глупенький. Май сейчас, всё цветёт... И запах – чуешь, как пахнут мои цветы?

Она склонила ветку к круглому лицу. Но снеговик так расстроился, что ничего не почувствовал.

– Я думал, – начал он, запинаясь, – что это... снег... Белое потому что... Я думал, ты такая же, как я. А выходит, ты – отсюда и здесь нужна, а я...

Он повернулся уходить, но черёмуха окликнула:

– Постой. Это даже забавно, что ты снежный. Куда ты торопишься? Давай поговорим, мне скучно стоять тут одной.

И снеговик остался. К нему вернулось обоняние, и он нашёл, что черёмушный запах – лучший аромат, какой ему доводилось вдыхать в жизни (и это была сушая правда). Он мало говорил, всё больше слушал черёмуху. А та болтала без умолку – о зиме и о дождливой осени, о том, с каким нетерпением она ожидала солнечных деньков и вот наконец они настали. Как в прошлом году какие-то мерзкие девчонки обломали у неё несколько веток – не соцветий, а именно веток, – так больно было... Как она приютила в своих ветвях кошку, за которой гнались сразу три собаки... Черёмуха болтала, кокетничала, шелестела, в шутку швырялась лепестками – а снеговик смотрел на неё и думал, что, наверное, это всё-таки снег превратился в какие-то там, как их, цветы.

А потом пришла ночь, и стало очень холодно. Снеговик не понял, но его собеседница на это жаловалась. Опять дул ветер, и тучи прыгали туда-сюда. Одной молоденькой звёздочке надоело, что её то и дело загораживают, она сиганула вниз и угодила прямо на черёмуху. Закачалась на ветках и сказала:

– Ой, как у вас тут хорошо. А то эти серые одеяла невесть что из себя воображают. – Вдруг она как-то потускнела и спросила: – Тут же нет сейчас войны?

– А что такое война? – немедленно влез снеговик.

Звёздочка вздохнула:

– Ох, это людское изобретение... Там стреляют, взрывают, что-то доказывают... Я почему спросила, – зашептала она, – мне тётка такую нехорошую историю рассказывала... Она тоже решила маленько на земле отдохнуть, а пока по небу катилась – на неё один человек желание загадал. А была как раз эта самая война, он загадал на жизнь всего лишь. Ни на любовь, ни на счастье, ни на успех – просто чтоб выжить. Он тётке понравился. Ну а когда она поднялась на небо опять – оказалось, его уже убили. Прямо в ту же ночь. Она тогда сказала, что не будет больше на землю скатываться, что она обманула его, получается. Тётка и мне запрещает, но я всё равно сбегаю. Уж больно

хорошо на земле...

Черёмуха и снеговик молчали, потрясённые рассказом. Потом дерево неуверенно вымолвило:

– Н-нет... Как кажется, такого у нас нет. Ты не бойся, – продолжало оно уже увереннее, – сейчас всё больше на любовь загадывают, я сама слышала.

– Угу, – проворчала звезда. – Загадывают на любовь, а потом начинают ругаться из-за ерунды всякой, вот и выходит, что звёзды – это так, тьфу...

Черёмуха возмутилась:

– Это уже сами виноваты, нечего на звёзды валить! Ах, это всё происходит оттого, что не все умеют любить...

Она протяжно вздохнула, и этот вздох резанул снеговика по сердцу. Хотя ведь сердце ему мальчишка не лепил, и непонятно, откуда оно взялось, а всё-таки оно было. «Интересно, а я любить умею? – подумал снежный человек. – Я даже не знаю толком, что это такое...»

Тем временем начало светать, и звезда стала прощаться. Глазом моргнуть не успели, и вот она уже улетела домой. А снеговик теперь сам начал говорить. Он говорил не очень связно, часто с запинками, но черёмуха боялась шевельнуть даже маленьким листочком, слушая его.

Выкатилось восходное солнце и облило их розовой краской. И вдруг тишину прорезали непонятные звуки. Снеговик насторожился, как почуявшая добычу гончая. Ему захотелось быть с источником этих звуков. А ещё его охватила страшная жажда действия. Он спросил черёмуху:

– Что это?!

– А-а, я и забыла. Это у людей праздник сегодня, они отмечают конец войны. Помнишь, звёздочка рассказывала? Это марш играют, «Прощание...», «Прощание...»... Ох, я не помню, как он называется.

У снеговика загорелись и без того блестящие глаза-камушки.

– Слушай, где всё это происходит?

– Тут недалеко бульвар с памятником, там... Но постой, куда ты? Неужели ты меня бросаешь?

– Я к тебе приду! Обязательно приду! – прокричал снеговик на ходу. – Мне только надо выяснить кое-что...

И он побежал на звук, переваливаясь в такт маршу.

Наверное, у снеговика была хорошая пространственная ориентация. Потому что он добрался-таки до бульвара, хотя музыка уже кончилась. На трибуну влез какой-то маленький лысый человечек и что-то долго вещал в микрофон. Снеговик ничего не понял, да он и не слушал. Он глазел на людей, одетых в одинаковую одежду. До сих пор он видел людей только в гражданском.

Тут снова ударила музыка, и ровные ряды зашагали так же ровно ей в такт. Снежного человека совсем заморозило это зрелище. Он уже собрался было перелезть через перегородку и присоединиться (сомневаясь, правда, – не вытолкнут ли его без пятнистой одежды), как сзади закричали:

– Ура-а-а!.. Мой снеговик смотрит на парад Победы!

И снеговика обняли, но осторожно, чтоб не разломать. Конечно, это был мальчик, который его слепил. На голове у него красовалась фуражка, а за поясом – игрушечный пистолет.

– Зачем всё это делают? – спросил снеговик.

– Ну... Дед говорит, чтобы помнили. А мне так просто нравится – нигде ж больше такого не встретишь... Я, когда вырасту, тоже в армию пойду. А папа говорит, что там делать нечего, её всю поразвалили и ещё там какая-то дедовщина... Дед так и не объяснил, что это такое.

– Ты тоже не всё знаешь? Тоже объяснить просишь, что ли? – удивился снеговик.

Мальчик удивился ещё больше:

– Конечно. Всё вообще никто не знает! А я так ещё не взрослый, конечно, прошу объяснить... Только они редко это делают, – вздохнул он.

Но тут его за шиворот схватил дед и сказал, что в толпе теряться – последнее дело. Мальчишка, нимало не смутившись, взял снеговика за руку-ветку, и они двинулись к Вечному огню. Дед отдал пацану две красные гвоздички, и тот их положил в кучу цветов. Снеговик к огню не пошёл, зато он попал в местечко, где раздавали шарики, и ему досталось целых три штуки. Он ужасно обрадовался – ведь воздушные шарики такие яркие и красивые! Один шарик он тут же отдал грустной девочке – и та улыбнулась.

Оглавление

КОРОЛЬ и ШУТ	4
Он	26
Я была богом.....	27
Майский снеговик	31